ДЕТАЛИ ГОРОДА

Санкт-Петербург, 2006

РЕЦЕНЗИИ

Фольклор и антропология города, T. VI. N. 1–2. 2024

Почему работает то, что не должно работать

Рец. на: Мохов, С. (2020). Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common place.

Дмитрий Вячеславович Громов [1]

✉ gromovdv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0443-8718
[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Громов, Д. В. (2024). Почему работает то, что не должно работать. Рец. на: Мохов, С. В. (2020). Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common place. *Фольклор и антропология города, VI*(1–2), 188–194. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-188-194.

Urban Folklore & Anthropology V. 6. N. 1–2. 2024

Why works what shouldn't work

A review of: Mokhov, S. (2020). The Archaeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia. Moscow: Foundation for support of social research "Khamovniki"; Common place.

Dmitry V. Gromov [1]

✉ gromovdv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0443-8718
[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

To cite this article:
Gromov, D. (2024). Why works what shouldn't work. A review of: Mokhov, S. (2020). The Archaeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia. Moscow: Foundation for support of social research "Khamovniki"; Common place. *Urban Folklore & Anthropology, VI*(1–2), 188–194. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-188-194.

© Д. ГРОМОВ

«Археология русской смерти» стала заключительной частью трилогии Сергея Мохова об умирании и похоронном деле (хотя концепция этого трехтомника, кажется, нигде Моховым не сформулирована; по крайней мере, на страницах книг ее найти не удалось).

Книга первая [Мохов 2018] представляет собой историческое описание отношения человеческого общества к мертвому телу, процессу похорон и практикам памяти об умерших. Повествование начинается со Средних веков; затем охватывает Новое время — развитие похоронного дела, его переход из сферы компетенции церкви в руки государства и предпринимательства; рассматривается формирование коммеморативных практик в их нынешнем состоянии (автор называет соответствующую главу «Золотой век похоронной индустрии: 1914–1990»); отдельный раздел посвящен развитию похоронного дела в России. Исторический подход дополняется антропологическим: изменение похоронной обрядности рассматривается в контексте изменения отношения к телесности. Мохов заканчивает книгу «футурологической» главой, обрисовывая текущие тенденции изменения практик умирания и памяти и экстраполируя их в будущее (если коротко, смерть будет все более осмысленной, а похороны — не унифицированными, а индивидуализированными, чаще будут проводиться кремации и утилизация праха необычными способами).

За первой книгой следует вторая [Мохов 2020]. Здесь речь идет об истории осмысления человеком смерти; о том, как в зависимости от религиозных и философских воззрений, идеологических, экономических и социальных факторов изменяются представления людей об умирании, затрагиваются вопросы бессмертия, эвтаназии, права человека распоряжаться своей жизнью, паллиативной помощи, уделено внимание репрезентациям смерти в популярной культуре.

Наконец, третья книга, на которую и написана рецензия, посвящена конкретно «русской смерти» — практикам похорон и коммеморации в современной России. Автор отметил: «Прежде всего я старался описать и понять, что происходит с нами, когда мы сталкиваемся с необходимостью проститься с близким человеком. Что мы делаем, участвуя в похоронах? ‹…› Как, кто и почему организует сегодня похороны в России?» (с. 10).

За плечами автора полевое исследование: включенное наблюдение (в том числе работа с фирмой, организующей похороны), многочисленные интервью. Книгу открывает подробное этнографическое описание того, какой путь проходит мертвое тело после смерти: транспортировка (действия медиков, полиции, похоронных агентов; конкуренция ритуальных специалистов за тело; его перевозка от места смерти до места сохранения) — морг (вскрытие; обработка тела и подготовка его к похоронам; взаимодействие моргов с другими акторами похоронного процесса) — выдача тела и прощание (манипуляция родственниками при выдаче; отпевание и перевозка тела) — кладби-

ще (обеспечение места на кладбище; случаи неопределенности статуса кладбищ). Несомненным успехом книги являются иллюстрирующие цитаты из интервью и полевых записей, равномерно вставленные в текст («Кто первый приехал — того и тело. За его нарушение имеешь полное право по лицу дать» (с. 22)). Эти цитаты создают эмоциональный фон этнографического описания, наполняют его голосами; настрой на эмоциональное восприятие текста, заданный с самого начала, получит развитие в заключительной главе.

В книге формулируется проблема, системная для России: различные акторы, обеспечивающие похоронный процесс, не сведены в единые кластеры, работают не слаженно, инфраструктурные проблемы видны потребителю. Проблемы существуют на фоне несовершенства нормативно-правовой базы, регулирующей похоронное дело.

Эмпирическое описание похоронного дела в России продолжается в главе 2, но здесь фокус внимания сосредоточен на акторах процесса похорон. При анализе используются категории «инфраструктура», «поломка», «ремонт». Говоря упрощенно, под инфраструктурой понимается совокупность организационных, материальных и нормативно-правовых ресурсов, обеспечивающих процесс похорон или других способов утилизации мертвых тел; «похороны — это процесс транспортировки усопшего через все инфраструктурные барьеры для того, чтобы он упокоился в могиле» (с. 93). При оптимальной работе инфраструктуры ее деятельность должна быть малозаметна, организационные вопросы решаются быстро, качество оказываемых услуг должно быть высоким. Однако недостатки инфраструктуры (например, территориальная удаленность узлов технологической цепочки, слабость материальной базы, юридическая неразбериха, конфликты интересов бизнес-акторов и проч.) ведут к сбоям ее работы (иначе говоря, к «поломкам»). Возникновение «поломок» приводит к действиям, компенсирующим их; иначе говоря, к «ремонту». Например, инфраструктурные проблемы заставляют российские похоронные агентства прибегать к «ремонту» в форме действий, основанных на личных связях. Более того, вся деятельность похоронных агентств, по Мохову, растворяется в «поломках», сводясь к операциям внутри коммуникативной сети; «ритуальный бизнес нельзя купить или рейдерски захватить; его фактически не существует: он то появляется, то исчезает, следуя за своими неформальными связями и сетями, то есть, за личными знакомствами в моргах, на кладбищах, в крематориях и трупохранилищах, среди полицейских и работников скорой помощи» (с. 75).

В главе 3 описывается, как исторически сформировалась существующая ныне система, основанная на непрерывных «поломках» и «ремонтах» похоронной инфраструктуры. В конце XIX века похороны в России представляли собой «слабо развитое городское ремесло, когда граждане, по сути, справлялись со всем самостоятельно, обращаясь за помощью к плотникам и многочисленным небольшим по-

хоронным бюро» (с. 104), а некоторый модернизационный прогресс в начале XX века был перечеркнут событиями Октябрьской революции. В декабре 1918 года похоронное дело со всей его инфраструктурой было национализировано советским государством, и частный бизнес в этой сфере был запрещен. Религиозные институции были отстранены от похоронных дел. Незначительные попытки создать в 1920–1930-х годах новую советскую похоронную обрядность (например, через развитие кремации) привели к тому, что «к началу Великой Отечественной войны частное похоронное дело на территории СССР было уничтожено, инфраструктура перешла в сферу ответственности государства, однако на ее поддержание и развитие не хватало средств, что быстро привело к упадку. Например, большое количество кладбищ было физически уничтожено или перешло в бесхозное состояние, похоронные бюро переводились в ведомство коммунальных служб; производство гробов и похоронных аксессуаров не было налажено. ‹…› Похоронная инфраструктура оказалась в системном дисфункциональном состоянии» (с. 113). Не поспособствовала развитию похоронного дела и послевоенная разруха. Сформировалась практика бриколажа — изготовления похоронных принадлежностей и могильных памятников из отходов — обрезков труб, бросовых досок, старых надгробий и т. д. Производство шло полукустарным способом — в слесарных и столярных мастерских. Большую роль в похоронах играли организации, в которых работали покойные; часто именно их администрация способствовала подготовке всех этапов похорон: изготовлению креста, гроба и оградки, предоставлению служебного транспорта, организации поминок. В 1960–1970-х годах похоронное дело упорядочивалось и развивалось, однако в условиях дефицита товаров и затрудненности предпринимательской деятельности это не привело к серьезному прогрессу. Поэтому в конце 1980-х годов, когда появились первые кооперативы, занимающиеся ритуальными услугами, «материальной базой для создания и развития подобных кооперативов стала ранее описанная система бриколажа и теневого/кустарного производства похоронных принадлежностей» (с. 127).

Интересна высказанная С. В. Моховым мысль о том, что многочисленные «сбои и поломки» российской похоронной инфраструктуры наполняются дополнительными ритуальными смыслами. Именно «ремонт» сбоев и поломок становится сутью ритуала. В частности, в советское время отсутствие системы похоронных услуг и хронический дефицит товаров стимулировали взаимодействие родственников, друзей, сослуживцев покойного, которые объединялись для обеспечения похорон; это совместное действие и было поминальным ритуалом — тратя свое время и усилия, окружение покойного воздавало ему честь; организация похорон предприятиями, на которых работали покойные, была как бы признанием их жизненных заслуг. В настоящее время ритуал поминовения усопшего также во многом основан на ухо-

де за захоронением: родственники очищают могилу от нападавшей листвы и сорной травы, красят оградку, обновляют памятник — это и есть акт поминовения. В данном случае «похоронно-поминальный обряд предполагает особый режим взаимодействия с материальным миром — постоянный его ремонт» (с. 97).

Отсутствие надежной инфраструктуры, позволяющей осуществлять коммеморативные действия, приводило и к трансформации материальной части коммеморации. Например, распространение в послевоенные годы могильных оград было обусловлено тем, что «кладбища, пребывающие в бесхозяйственном виде, никем не обслуживались, и поэтому место на погосте не было закреплено никаким правом. Для его сохранности и в качестве материального свидетельства своих прав на могилу люди начали устанавливать ограды» (с. 119). Возникновение ритуальных практик как компенсации инфраструктурных сбоев явление не только российское; так, в первой книге трилогии Мохов писал, что во Франции отсутствие необходимого оборудования в больницах и моргах привело к появлению специальных комнат долгого прощания — гостиничных номеров, в которых тело хранится в присутствии проживающих здесь же родственников.

При чтении книги возникают замечания теоретического плана. К сожалению, автор недостаточно полно обосновывает правомерность использования концептов «инфраструктура», «поломка», «ремонт». В научной литературе, посвященной исследованию социокультурных и технологических процессов, эти понятия используются довольно широко и в разных контекстах [Graham 2007; Henke 2000; Jackson, Pompe, Krieshok 2012; Orr 1996; Suchman 1987], стоило бы сделать обзор теоретических подходов к данным темам и вписать собственное исследование в их контекст.

Видимо, из-за недостаточного внимания к теоретическому осмыслению ускользает из зоны внимания такой важный момент: в России речь идет не столько о «поломках» в похоронном деле, сколько об общей несформированности похоронного бизнеса.

«Поломки» инфраструктуры, ведущие к «ремонту», вполне логично видеть в тех случаях, когда можно выделить какую-либо изначально существующую «правильно» работающую инфраструктуру, в результате сбоев которой нарушается «правильное» течение процесса. Такой подход можно видеть, например, в недавно вышедшей книге Ольги Пинчук, рассказывающей о нарушениях технологического процесса из-за изношенности оборудования [Пинчук 2021]. Но в российском похоронном деле «правильного положения дел» исторически никогда не существовало. В работах Мохова показано, что в Европе и Америке похоронный бизнес как отрасль сформировался ближе к концу XIX века. Россия, несколько отставшая от развития новаций вообще, отставала и в практиках захоронения; в начале XX века новый подход к похоронному делу можно было увидеть только в крупных городах. Семьдесят лет советской власти не способствовали

прогрессу в похоронной сфере, поэтому к началу 1990-х годов развитие ритуального бизнеса началось чуть ли не с нуля. Можно ли говорить о «ремонте» того, чего не было, или это все-таки не «ремонт», а создание и последовательное развитие инфраструктуры, основанное на существующих практиках и совершенствовании сервиса?

К слову, культура похорон в России постепенно развивается; если лет тридцать назад сервис в похоронной сфере почти отсутствовал, то сейчас сформировались и практики сопровождения мертвого тела, и рынок сопутствующих товаров, и сфера похоронно-поминальных услуг. Конечно, в первую очередь улучшение происходит в крупных городах, но прогресс очевиден и в целом. Заметим: автор, сосредоточившись на описании «поломок», упускает этот прогресс из виду. Надо отметить и общее снижение важности неформальных связей в процессе похорон; эти связи все чаще оказываются ненужными. Развитие ритуальных служб приводит к тому, что работу, связанную с похоронами, берут на себя уже они, а близким покойного остается выражать скорбь только через личное присутствие на похоронах и соболезнования. Таким образом, описанная в книге схема, при которой «процесс связан с необходимостью согласований, поддержания норм традиционных практик и принципов коммуникации, которые сформировались в локальном социальном порядке» (с. 100), со временем теряет свою актуальность.

Продвигаясь в изложении своей темы, автор на протяжении трех томов принимает на себя самые разные роли: он и историк, и социальный антрополог, и социолог, и выступает с футурологическими прогнозами. Последняя глава третьей книги неожиданно (но при этом вполне оправданно) выполнена в жанре автоэтнографии. Мохов рассказывает о том, какое значение тема смерти играла в лично его жизни. Сначала описывается жизнь и смерть ближайших родственников — дедушек и бабушек, отца, рефлексируется личное отношение к этим смертям; затем описывается личная жизнь автора в мортальном контексте: от детских переживаний, связанных с осмыслением неживого, до рефлексий по поводу издания первых собственных книг о смерти, взаимодействия с информантами, журналистами и участниками похоронного бизнеса. Местами это практически мемуары.

Не каждый антрополог и не для каждой темы может осуществить такую автоэтнографическую рефлексию. Но смерть — антропологическая константа, о которой каждому человеку есть что рассказать, и с которой каждый выстраивает отношения в течение всей жизни. Поэтому последняя глава обеспечивает книге (и всей трилогии) особое эмоциональное воздействие на читателя: она как бы приглашает вспомнить, осмыслить и сопоставить с написанным свой, личный опыт смерти близких, посещения и организации похорон, страха конца жизни, памяти об усопших и ощущения умирания в самых разных аспектах — от выбрасывания старых вещей до старения человеческих тел и предположений о жизни после жизни.

Но, несмотря на то что книга оказывает эмоциональное воздействие на читателя (и это прекрасно), она остается научным произведением, отвечающим на ряд исследовательских вопросов; в частности, на вопрос, вынесенный в заголовок данной рецензии: почему при рассмотрении ритуального бизнеса в России «работает то, что не должно работать».

Литература

Мохов, С. В. (2000). *История смерти. Как мы боролись и принимали*. М.: Individuum.

Мохов, С. В. (2018). *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия*. М.: Common place.

Пинчук, О. В. (2021). *Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих.* М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.

Graham, S., Thrift, N. (2007). Out of Order: Understanding repair and maintenance. *Theory, Culture & Society, 24*(3), 1–25. DOI: 10.1177/0263276407075954

Henke, Ch. (2000). The mechanics of workplace order: Toward a sociology of repair. *Berkeley Journal of Sociology, 44(1999–2000),* 55–81.

Jackson, S. J., Pompe, A., Krieshok, G. (2012). Repair worlds: Maintenance, repair, and ICT for development in rural Namibia. In *CSCW'12: Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. February 2012*, 107–116. Seattle, WA. DOI: 10.1145/2145204.2145224

Orr, J. E. (1996). *Talking about machines: An ethnography of a modern job.* Ithaca, New York: Cornell University Press.

Suchman, L. (1987). *Plans and situated actions: The problem of machine-human communication.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

References

Graham, S., Thrift, N. (2007). Out of Order: Understanding repair and maintenance. *Theory, Culture & Society, 24*(3), 1–25. DOI: 10.1177/0263276407075954

Henke, Ch. (2000). The mechanics of workplace order: Toward a sociology of repair. *Berkeley Journal of Sociology, 44(1999–2000),* 55–81.

Jackson, S. J., Pompe, A., Krieshok, G. (2012). Repair worlds: Maintenance, repair, and ICT for development in rural Namibia. In *CSCW'12: Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. February 2012*, 107–116. Seattle, WA. DOI: 10.1145/2145204.2145224

Mokhov, S. (2000). *The History of Death. How We Fight and Accept*. Moscow: Individual. (In Russian).

Mokhov, S. (2018). *The birth and death of the funeral industry: from medieval cemeteries to digital immortality*. Moscow: Common place. (In Russian).

Orr, J. E. (1996). *Talking about machines: An ethnography of a modern job.* Ithaca, New York: Cornell University Press.

Pinchuk, O. (2021). *Crashes and breakdowns. The ethnographic study of factory workers' labor*. Moscow: "Khamovniki"; Common Place. (In Russian).

Suchman, L. (1987). *Plans and situated actions: The problem of machine-human communication.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.